

Детство наше военное

Более 70 лет прошло с начала Великой Отечественной войны – почти целая жизнь. Временами нахлынувшие воспоминания того далекого времени в черно-белых тонах переплетаются в моей памяти. Бесконечная череда лиц, событий, радость общения с друзьями, голод, страх. Суровая действительность жизни закалила и сплотила наши детские души.

Сюрприз под подушкой

Мне было четыре года, когда началась война. 22 июня был обычным воскресным днем. В народе поползли слухи, что ожидается какое-то важное сообщение по радио. В полдень с официальным обращением выступил министр иностранных дел Вячеслав Молотов. Он сообщил о нападении Германии на СССР и объявил о начале Великой Отечественной войны.

По радио звучали патристические песни, призывающие народ встать на защиту Родины. Из близких родственников ушли на фронт два моих дяди. Одному из них, Алексею Каныгину, только-только исполнилось 20. Я помню, как бабушка собирала ему вещевой мешок в дорогу. Вскоре от дяди пришло тревожное письмо. Алексей писал: «Идем в бой, едва ли кто выберется из этого огненного котла». В том же 41-м прислали извещение, в котором сообщалось, что Алексей Каныгин пропал без вести. Другой дядя, Георгий Каныгин, тоже ушел на фронт в начале войны. А моего отца призывали в 1943 году. Мобилизация коснулась и других мужчин нашего двора. В 1942 году пропал без вести под Сталинградом Павел Дмитриевич Фомин. Тяжелое увечье получил на фронте Василий Волокитин. В первые дни войны ушел добровольцем и пропал без вести под Великими Луками Федор Георгиевич Морозов. Не вернулся с войны отец Миры и Жени Агаповых.

Начало войны запомнилось мне еще вот чем. Раньше папа нам, спящим дочкам, иногда подкладывал под подушку какой-нибудь сюрприз. Однажды мы проснулись и ничего не обнаружили. Папа посетовал, что началась война и жить теперь будет трудно.

Картина с грибами

Помню, как меня, сонную, поднимают с постели, судорожно одевают. Мы бежим к выходу, кругом шум, крики, суета. В начале войны мама поступила на работу в детский сад спиртоводочного комбината, туда же устроила и меня с сестрой. Садик располагался на первом этаже

в здании рядом с комбинатом. Наша спокойная, размеренная жизнь прерывалась налетами немецкой авиации. В сопровождении воспитателей мы бежали в подвал спирткомбината. Там нас по очереди сажали на большие деревянные чаны или ставили у выхода вдоль стены с требованием соблюдать тишину. Воспринималось это без паники и страха, так как не было осознания опасности.

Однажды в одной из соседских комнат я увидела на стене картину, на которой была изображена корзина, полная белых грибов. Вокруг нее на столе тоже лежали грибы. Изображение поразило меня своей реалистичностью. Впоследствии я узнала, что картину обменяли на продукты на Сенной площади.

В комнате по соседству жила семья обкомовского работника. Временами по коридору разносился аромат выпечки. Бывало, угощали и соседских ребятишек. В голодное время такое не забывается.

Грядки вместо клумб

Первое чувство у наших родителей после объявления войны – растерянность: чем кормить детей? При всех предприятиях начали создаваться подсобные хозяйства, которые обеспечивали овощами и мясом столовые общепита. Жителей города наделали участками под огороды. Вся пойма реки Которосли справа от дамбы по движению из города, земля в районах Волгостроя, Фибролитового поселка, Суздальки, Нижнего острова и других была перекопана под грядки. В конце 1944 года почти каждая семья с махорочной фабрики имела участок на Вспольинском поле.

Вспоминаю весенний погожий день. Вокруг необозримые зеленые поля. Масса народа и курсирующий грузовик, который поставлял с фабрики мешки с табачной пылью для удобрения почвы. Мы обрабатывали свой участок втроем – мама, сестра и я. Как же непросто нам, ослабленным от бесконечного недоедания, это давалось. Мы сажали картошку. Осенью собрали урожай, подобного по изобилию

и величине клубней с тех пор не припомню.

Довесок – немцу

С начала войны и по 1947 год действовала карточная система. Продуктовые карточки отоваривали в магазинах. Вспоминаю один эпизод 1945 года. Я иду из магазина с хлебом на всю семью, а перейти дорогу не могу. По Гражданской улице (ныне проспект Октября) нескончаемой колонной идут военнопленные немцы. Один из них попросил кусочек хлеба. Кстати, его отвешивали строго по норме – с довесками. И мне дали в магазине довесок. Его-то я и протянула немцу. В благодарность он подарил мне зеркальце, обтянутое красным коленкором.

Колонны военнопленных в то время можно было встретить в разных уголках города. В полуразрушенном Ярославле немцы долгие годы трудились на земляных работах и строительстве. Однажды я увидела пленного немца в палисаднике под окном на скамье в кругу дворовых ребятишек, рассматривающих фотографию его детей.

«Черные кошки»

После отмены карточной системы голодные годы еще продолжались. Однажды папин сослуживец, живший в Коровниках, предложил нам мешок мелкой мороженой картошки. Мы ездили за ней со Стрелки на лодке. Дома жарили эту картошку на рыбьем жире, а если его не оказывалось, на так называемом соевом масле – темно-бурой густой жидкости. Часто пекли оладьи из клейстера и лепешки из мороженой картошки, ели дуранду – пресованный жмых солода. Одна из моих подруг рассказывала, как ее мама варила варенье из сахарной свеклы, выращенной под окном, с добавлением брусники, собранной в Яковлевском бору.

Употребляли в пищу бузун – крупную соль, похожую на прозрачные камушки. Их заворачивали в несколько слоев мокрой ткани и, перевязав, кидали в протопленную печь. После этого соль имела черный цвет и приобретала яичный привкус. Гово-

рили, что она содержит много витаминов. Однажды меня и сестру тетя угостила булкой, тогда я впервые узнала ее вкус. Нам ведь казалось, что вкуснее черного хлеба ничего нет. А дедушка достал из сундука доменный запас – маленькую баночку с медом. От такого угощения у нас перехватило дыхание, а на глазах появились слезы.

В магазинах за продуктами стояли большие очереди, их занимали задолго до открытия. Продовольствия не хватало. По городу бродило много нищих – и взрослых, и детей.

В годы войны в народе распространялась молва о бандах «Черные кошки». В детском воображении они вырастали до фантастических размеров: кошки в человеческом обличье скребутся в двери и мяукают. В действительности под «черными кошками» скрывался воровской сброд, который знал, что в домах в основном находятся немощные старики и дети.

На махорочный склад

1943 год черной меткой остался в моей памяти. С каждым днем атмосфера в городе накалялась. К постоянному грохоту канонады стали привыкать, а при очередном налете с тяжелым нарастающим гулом замирало сердце. Все небо освещалось перекрестными лучами прожекторов, они обнаруживали цель и вели ее, а затем моментально обрушивался огненный шквал трассирующих пуль. Самые ближайшие зенитные установки располагались на крыше дома завода СК – «подкове» и на углу улиц Гражданской и Победы. Радио не выключалось. Каждый час передавали сводки с фронта. Спали одетыми. Перед вражеским налетом шло оповещение населения: «Внимание, внимание! Граждане! В городе объявлена воздушная тревога!», выли сирены. Прошли десятилетия, а я отчетливо «слышу» каждое слово и громкие протяжные звуки сирены.

Татьяна Борисовна Середнева за книгу «Дети Великой Отечественной» получила диплом победителя областного конкурса «А впереди была Победа», посвященного 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.

В один из массивных налетов бомба попала на грузовой двор махорочной фабрики. Образовалась огромная воронка. Однажды, услышав гул бомбардировщиков, жильцы хотели выбежать из дома, но не успели. Раздался оглушительный грохот. Наш дом трянуло так, что посыпались куски штукатурки, а на втором этаже вылетели стекла. Взрослые и дети столпились у выхода. Впереди стояли наши мамы. Они всеми силами пытались удержать дверь, ее распаховало взрывной волной.

На другой день после налета мы узнали, что были разрушены корпуса фабрики «Североход», которая находилась через дорогу от нашего дома. А на территории нашего двора располагался махорочный склад. Его освободили, и к нему стали подъезжать подводы с обезображенными трупами, накрытыми брезентом. Сюда же привозили умерших воинов из госпиталя, находившегося в школе №44. Узнав о трагедии, к складу шли жители со всей округи.

Марш зенитчиков

День Победы, 9 Мая, вспоминается лишь отдельными фрагментами. Утром меня разбудили доносящиеся с улицы голоса – шум, крики, смех. Так встретили известие об окончании войны жители нашего двора. Мы включили «черную тарелку» и услышали торжественное обращение к гражданам Советского Союза – война окончилась, фашистская Германия безоговорочно капитулировала.

Вернувшись с фронта в 1945 году, папа рассказал, как в последние месяцы войны, когда победа была очевидна, он и сержант Брагин написали песню «Марш зенитчиков». Стихи были папины. Этот марш исполнил полковой оркестр на концерте 9 Мая 1945 года в городе Горьком.

Татьяна СЕРЕДНЕВА

Фото из архива автора